

МЕТОДОЛОГИЯ

М.А. ЧЕШКОВ

**Идея развития: необходимость
и возможность реинтерпретации**

В последнее десятилетие XX в. из понятий классической социальной науки идея развития, пожалуй, в наибольшей мере подверглась ревизии. Последняя принимала разные формы: от сомнения в научном статусе этого направления исследований и оттеснения его на второй план до полного отказа от данной идеи/концепта. Причиной послужили глубокие сдвиги, которые обозначились в общественном сознании западного мира и мира в целом уже на рубеже 1960–70-х гг. Они привели к господству постмодернистской и постструктуралистской мысли, к активизации антисциентизма и мифотворчества, "жертвой" которых и стала идея развития (или, уже, прогресса), восходящая к эпохе Просвещения¹. Не меньшую роль в развенчании идеи развития играло рождение "новой исторической формации науки" – постнеклассической, или Новой науки (а то и, по мнению ряда науковедов, даже "постнауки"). В этом контексте возникает целый куст новых дисциплин, отличных и от философии, и от частных наук ("общенаучное знание" или "меганауки"), имеющих своим предметом изучение закономерностей самых разнородных объектов, равно постулируемых как объекты с нелинейной неравновесной динамикой, как сложные адаптирующиеся системы, "подчиненные" самоорганизующейся и универсальной эволюции. В эту "семью" включаются, например, систематика, синергетика и ритмология, а возможно, и глобалистика. Именно в таком контексте рождается совокупность моделей, претендующих на роль новой парадигмы или эпистемы (идеи Целого, Сложного, Различного, Связанности); но в этом ряду, однако, не находится места для идеи развития и тем более – идеи прогресса. Его занимают трактуемые в новом духе *универсального эволюционизма* понятия эволюции, изменения, трансформации, более адекватные описанию динамики объектов высокой и сверхвысокой сложности.

В 1980-е гг. казалось, что эти новые фундаментальные идеи (вкуче с обновленными старыми, зафиксированными в понятиях "изменение", "переход") полностью вытеснили идею развития как из философского, так и из научного знания. Однако ныне такой вывод кажется преждевременным, учитывая спрос на идею развития в ситуации, когда человечество оказывается перед выбором между катастрофой и

¹ Идея прогресса рассматривается здесь как общая и "сквозная" по отношению к идее модернизации, и как частичная – в сравнении с понятием "развитие", которое, особенно с середины XX в., стало предельно общим.

выживанием. В этом случае развитие становится императивом, который парадоксальным образом диктуется *невозможностью выбора*, а само понятие приобретает новые коннотации (развитие – мировое, глобальное, планетарное, устойчивое).

Другими стимуляторами того, что можно назвать намечающимся вторым дыханием идеи развития, выступают – опять-таки парадоксально – новые универсалии постнеклассической науки. Так открывается возможность, опираясь на идею Различий, охарактеризовать разные типы и формы развития, а их взаимоотношенность – через идею Связанности; описать сложный характер того целого, которое образуется данной связанностью – через идеи Сложности и Целого. Подобных интерпретаций было бы недостаточно, если бы не ощущался спрос со стороны различных отраслей частнонаучного знания, в особенности тех, где идея развития есть *raison d'être* их бытия (так называемые "исследования развития", связанные с изучением "третьего мира"). "Встреча" фундаментальных идей и частнонаучного знания при разработке идеи развития в его новой интерпретации идет не без трудностей. Не вдаваясь здесь в их анализ, отмечу, что некоторые из универсалий кажутся представителям конкретно-научного знания или чересчур абстрактными, или, скорее, метафорическими, а не логически сформулированными понятиями. Правда, такие замечания могут быть справедливы, например, когда пытаются применить идею Целого к изучению международных отношений [Complexity... 1997, р. 74, 103, 215]. Но метафоричность сама по себе не есть помеха рациональности, она может быть и стимулятором таковой, и способом переноса категории логического типа из одной области знания в другую [Чешков, 2002, с. 123], а также предпосылкой для создания новообразований типа мыслеобразов или смыслообразов. Именно на скрещении новых универсалий и потребностей частнонаучного знания и возникают возможности обновленного прочтения идеи развития, осмысления восходящей ветви в эволюции человечества. В данной статье я попытаюсь "оживить" – содержательно и методологически – идею развития, конструируя ее средствами из разных сфер знания, а в последующей – показать, как она может применяться при изучении проблем развивающихся стран.

Сдвиги и состояние теории развития

Как заметил Э. Морен, идея развития проблематизировалась после 1968 г. Речь шла о некоем рубеже в историко-культурной и эволюционной динамике мира, человечества, даже человека как такового. Основной мотив, определявший обсуждение этой проблематики, звучал как отрицание идеи развития в том виде, в каком она восходит к традиции Просвещения, то есть развития линейного, одностороннего, необратимого, стадийно-последовательного, восходящего или поступательного, выражением которого и были различные концепции прогресса². Отвергая сверхзаданность развития=прогресса, общественно-научная мысль пришла к необходимости поставить вопрос о причинах и целях развития, о целеполагании как важнейшем параметре развития; в пике универсализму различия стали рассматриваться как один из важнейших *генераторов развития*. Упор делался на механизмы развития, вероятностный характер и альтернативность этого процесса. Обращение к "цели" предполагало, в свою очередь, внимание к субъекту развития – человеку, человечеству, историческим их конкретизациям в неразрывной связи с их системой ценностей [Старостин, 2000]. Отсюда – стремление разделить развитие и эволюцию, не порывая, однако, их взаимосвязи, то есть представляя развитие как одну из трех ветвей "универсальной эволюции" (Э. Янч, Н. Моисеев) и соотнося его с социобиологической природой человека (концепция коэволюции).

² Современное понимание этой проблемы суммировано в недавнем издании, на которое я в основном и опираюсь [Глобалистика... 2003]. Отмечу лишь вклад школы Г. Щедровицкого в разработку методологии развития.

Критика отождествления развития с прогрессом вылилась в поиск непрогрессивных разновидностей развития, таких как циклическое, возвратное, инверсионное, свойственных динамике нелинейных и неравновесных объектов. Наконец, актуализация проблемы человека (его саморазвитие) и человечества в контексте развития направила теоретическую мысль на поиск их исходного, первичного и поэтому неизменного начала. Если суммировать очень коротко и грубо, то новые представления о развитии, вытеснившие его прежнее универсалистско-детерминистско-линейное видение, сводятся к следующему: в центре находится идея субъекта развития, представление о развитии как мыслеполагающей деятельности, неотделимой от ценностей субъекта (не путать с "субъективным"!); развитие стало пониматься в контексте универсальной и самоорганизующейся эволюции человечества с присущим ему единством социального и природного или, уже, биологического начал (концепции коэволюции или – в меньшей мере – устойчивого развития); прогресс (восходящее движение) рядопологается другим типам развития; развитие как постоянное изменение совмещается (см. принцип совместимости и несовместимого) с началом неизменности (вне- или до-историчности – "архе"; от греч. *arché* – начало). Об этом принципе говорил еще Ж.-Ж. Руссо, который считал, что развитие должно неизбежно осуществлять некое инволютивное движение к архаическому, то есть возвращаться к некоему витальному, фундаментальному первопринципу. Один из аспектов современного кризиса развития, – подчеркивает Морен, – как раз и выражается в спонтанном подъеме неоархаистской или неоруссоистской потребности [Le mythe... 1977, p. 262].

Социальное развитие определяется в современной отечественной литературе как качественно изменяющееся восходящее движение истории от неразвитых изначальных форм общественной жизни к более развитым, включающее дифференциацию, усложнение организации и рост возможности приспособления к среде; несущее необратимые изменения от менее к более желательному; как целостный процесс, включающий разные измерения и предстающий как возрастание силы индивида. Подчеркивается, что неправомерно рассматривать развитие в форме движения от низшего к высшему или перехода от простого к сложному, ибо усложнение не есть обязательный атрибут развития, так же как и простота не есть антипод развития; но если прогрессивное развитие необязательно означает усложнение, оно в любом случае связано с повышением уровня организации и сохранением эволюционных возможностей. В другой трактовке прогресс определяется как движение от низшего к высшему, восходящее движение в противоположность регрессу (нисходящее движение), и как одна из форм движения наряду с циклическим, цель которого – человек, его жизнь, благо, свобода [Глобалистика... 2003, с. 857–858, 872–873].

В этих, во многом новаторских видениях развития остается немало и старого³, и неясностей: например, усложнение организации – атрибут развития вообще или же признак лишь определенной разновидности развития – прогресса? Обязательно ли стадиялен прогресс, или поступательное движение может быть и нестадиальным, или, по-другому, есть ли линейность – обязательный признак прогресса? Можно ли считать простоту признаком лишь регресса или же развития вообще? Недостаточно обосновано и понимание самой регрессивной (или нисходящей) формы развития: вряд ли верно считать таковую лишь негативом прогресса, оставляя в стороне его собственную логику, как и логику различных разновидностей регресса (возврат, тупик), не говоря о переходных формах между этими двумя типами развития (например, "псевдовозврат").

На мой взгляд, самое важное, что зафиксировано в современной теории развития, – это отказ от тождественности понятий "развитие" и "прогресс", а также признание того, что оба они "правомочны" – подобно Провидению и человеческой свободе воли – и только их взаимоисключение есть "ересь" [Баткин, 2000, с. 65]. Однако оста-

³ Например, устойчивость социоцентризма, то есть сведение природы человека к социальным отношениям.

лись открытыми ключевые вопросы о возможности соединения соответствующих смыслов в одном понятии; о критериях различения "качественных" и иных изменений (отсюда – соотношение понятий "развитие" и "изменение"); в конечном счете, о критериях разделения восходящей и нисходящей ветви в истории? Прежние ответы на эти вопросы – будь то в виде критериев формационности или типов социумов – ныне явно недостаточны; новые критерии, предложенные теорией цивилизации, недостаточно продуктивны, поскольку в них понятие цивилизационного типа развития подменяется понятием той или иной цивилизации [Глобалистика... 2003, с. 1142–1143].

В такой ситуации остается предполагать, что критерии качественных сдвигов в процессе развития надо искать, обратившись к субъекту развития с его мыслепологающей деятельностью [Рац, 1995], в которой и реализуются цели развития. Этот критерий может быть определен при трех условиях: во-первых, речь должна идти о человечестве как о субъекте развития, цели которого, в наиболее общем виде, как отмечено выше – есть жизнь, благо, свобода; во-вторых, его должно конкретизировать, учитывая, что субъектами развития выступают реальные исторические персонажи – большие совокупности людей, их группы и, конечно, индивид; в-третьих, соотношения субъекта и структуры как параметров развития. Такое представление о критериях развития предполагает два способа преодоления редукции этого понятия к социальному (то есть понимания развития как феномена, соотносимого исключительно с обществом) – через введение в представление о социальном идеи культуры, разработку "культурной истории социального"⁴ или с выходом к широкому, антропо-интегральному или, точнее, антропо-эволюционному видению проблемы. В этом смысле крайне полезны концепции ноосферы, коэволюции и устойчивого развития, особенно когда в последних выявляются некоторые инвариантные структуры [Глобалистика... 2003, с. 858, 1062]. Для реализации этих новых трактовок и видений необходим теоретический аппарат, который включал бы такие основные понятия, как "исторические типы развития", их формы и виды. Эти категории должны работать на уровнях общей и специальной теорий (например, при анализе проблем "третьего мира"), в отличие от ряда эмпирических генерализаций, применяемых в последней и той ее ветви, где основные усилия концентрировались на определении конкретных агентов развития, их стратегии и моделей.

Переходя к специальной (или частной) теории развития, мы вступаем в особую область конкретно-научного знания – "исследований развития" (ИР), базой для которой традиционно служила до крайности упрощенная, линейная, механистическо-детерминистская и эконом-центристская трактовка прогресса. В так называемой "социологии развития" это понятие подверглось двойной редукции и в таком виде стало теоретической аксиомой, которая не столько подтверждалась прикладными, количественными показателями, сколько *замещалась* (!) этими показателями. Иными словами, *предмет* измерения (выраженный через понятие "развитие") принимал вид самих *средств* измерения или, как остроумно замечено, превратился в метод, объясняющий, "как и зачем измерять неизвестно что" [Кравченко, Рац, 1999, с. 3]. Аксиоматичность идеи развития и в то же время ее сугубая инструментальность привели к тому, что именно в этой области знания данная идея с ее претензией на универсальность подверглась наибольшим испытаниям. Подобные испытания оказались тем более провоцирующими, что научная критика тождества развитие=прогресс развертывалась с самых различных идейно-мировоззренческих позиций (от леворадикалов до почвенников, включая либерально-консервативную критику) и во всех теоретических конструкциях (от теории модернизации до неомарксистских схем зависимости/периферийности). Под воздействием такой критики идея развития, ставшая парадигмальной в этой области знания во второй половине XX в., претерпела существенные изменения, в том числе в теоретическом плане. Вкратце основные сдвиги выглядят следующим образом:

⁴ По опыту "третьего поколения" школы "Анналов".

– развитие все более осмысливается как процесс не только количественных и экстенсивных изменений, но и изменений качественного порядка – исторического и даже антропологического свойства;

– из одномерного и преимущественно экономического понятия развитие преобразилось в многомерное, многоаспектное понятие, охватывающее такие параметры, как культура и отношения с природной средой;

– кумулятивный эволюционный образ развития замещается представлением о процессе глубоко противоречивом и чуть ли не перманентно кризисном;

– ареал этого понятия, помимо восходящих форм движения, все в большей мере включает изменения циклические, попятные (возвратные), инверсионные;

– изучаются вариативность как атрибут развития, ее источники (развитие эндогенное и экзогенное; зависимое и аутоцентрическое), характер общественного сознания (развитие имитационное и творческое), структурные последствия (дуалистическое, периферийное, анклавно-конгломеративное развитие);

– в наборе вариантов развития выделяются его полярные разновидности или альтернативы (концепция "Другого развития"), а в противовес идее переходности как теологической конструкции выдвигается концепция трансформации;

– субъект развития видится преимущественно как агент (совокупность агентов), несущий различные стратегии и модели развития; такой агент рассматривается вначале как воплощение универсальных ценностей, которые в процессе своей экспансии исключают все, что не могут интегрировать; проблематичность такого агента и его ценностей открывает путь к поиску новых и/или традиционных ценностей, хотя их потенциальный носитель остается прежним (элиты и особенно государственные элиты);

– роль субъекта развития признается не только за национальными и транснациональными агентами, но и за развивающимся миром как целым (концепция Нового мирового экономического порядка) или же, напротив, в этой роли выступает индивид (концепция базовых потребностей);

– субъект развития осмысливается не только через призму усвоения им универсальных ценностей, но и с учетом растущего воздействия традиционных ценностей, что актуализирует проблематику культурно-исторической идентичности этого субъекта;

– динамика развития объекта всегда рассматривается в контексте целостности мира и человечества; сконструированы концепции, характеризующие специфику развития как в центре, так и на периферии мира не только по отдельности, но и в их взаимобусловленности (два типа развития И. Галтунга, миросистемный подход И. Валлерстайна). Корни (причины, мотор) развития изучаются не только в связи с "помехами" его развертыванию в виде традиционной отсталости (*backwardness*) и современной слаборазвитости (*underdevelopment*), но в поисках сквозной исторической традиции, в связи с проблемами разрыва/преемственности исторического развития ("постколониальная школа") [Чешков, 2000].

Изменения были значительными и на прикладном уровне изучения стран не-Запада, где адекватной формой теоретической мысли могли стать лишь эмпирические генерализации. Последние *сами по себе* не способны дать ответа на вопросы – ни о содержании понятия развития, ни о природе собственного объекта. Не удались и попытки операционализировать некоторые из таких генерализаций, например концепции зависимости и периферийности; причина этих неудач лежит в том, что данным концепциям не хватало фундаментальности (теория зависимости по Ф. Кардозо). В то же время в исследованиях на прикладном уровне все более ощущалась потребность в теоретических обобщениях философско-антропологического порядка. В них нуждались концепции качества жизни, "человеческого развития" и особенно этические концепции развития (реже – концепция развития как единства теории и практики).

В сфере ИР возникла дилемма: или совершенствовать свой операциональный аппарат, или же отказаться от применения идеи развития к реальности "третьего мира". Последний выход был сформулирован теми, кто настаивал не на альтернативных вариантах развития, но на выработке *альтернативы развитию*. Первый путь, хотя сам

по себе и был полезным, являлся принципиально ограниченным: лестницу вверх (от эмпирики к теории) построить было невозможно; второй путь закрывал возможности для углубления идеи развития. Поэтому совершенствование идеи развития "третьего мира" могло реально осуществиться лишь сверху – от общей теории к частной в союзе с теорией ИР. Сдвиги в этой области конкретных исследований резонировали с теми, что были отмечены в сфере общей теории⁵. Я имею в виду разведение идей развития и прогресса (при доведении до абсурда – их отрицание); внимание к непрогрессивным формам развития (особенно циклическим); проблематика субъекта (пусть и прикладного, практического порядка); проблема преемственности в ходе развития (пусть в основном культурной). С обеих сторон вопросов было больше, чем ответов, и, в частности остался открытым вопрос о возможности (да и необходимости) соединения теоретических представлений и эмпирических исследований в рамках некоей общей философско-научной схемы.

К обновленной концепции развития

Модель развития можно построить на следующих методологических и гносеологических принципах: развитие выступает как идеальный объект⁶, то есть в виде базового понятия, логика которого раскрывается в ряде категорий, конкретизирующих это понятие; такой объект строится средствами различных видов знания – философского (его разных дисциплин) и общенаучного (систематика, синергетика), а для изучения развивающихся стран – средствами конкретно-научного знания; категории, раскрывающие базовое понятие, образуют иерархическую вертикаль, располагаясь в ней по убывающей степени абстракции и усиливающейся степени конкретности; категориальная иерархия членится на отдельные уровни и ступени, которые различаются по предмету, силе абстракции и средствам познания (видам знания). Полное представление о развитии складывается лишь "на выходе" из данной иерархии, в то время как отдельные категории на разных уровнях и ступенях отражают одну из сторон облика идеального объекта.

Развитие как идеальный объект характеризуется через следующий набор основных категорий. На первом уровне формулируется *исходная категория*, определяющая развитие как потребность человека в творчестве, как имманентное архетипическое качество; на последующих двух уровнях развитие выступает как *универсалия*: сначала – культуры (второй уровень) и затем – истории (третий уровень). На втором уровне, расчленяемом на несколько ступеней, тот же идеальный объект последовательно раскрывается как потребность и способность (потенциальная и реальная) субъекта (человека и человечества); как целеполагающая мыследеятельность этого субъекта, реализующаяся сначала в виде вариативного процесса, а затем – в виде структуры с ее особыми параметрами. На третьем уровне наш идеальный объект выступает как совокупность различных видов динамик и их пространственно-временных конфигураций, создаваемых в русле исторического процесса. Такова, в самом общем виде, конструкция представления о развитии, взятом – подчеркну это еще раз – как идеальный объект в его собственной логике. Выработанное таким образом представление о развитии входит как составная часть и в представление о развитии данного объекта. Остановлюсь более подробно на категориях в их движении по уровням и ступеням познания, не упуская из виду того, что наш объект есть конструкция не онтологическая, но гносеологическая или эпистемологическая.

⁵ Оставляю в стороне те области научного знания, где происходила прямая стыковка общей и частной теории развития через идеи устойчивого развития [Вебер, 1999] и коэволюции [Родин, 1991].

⁶ Идеализация здесь не тождественна, на мой взгляд, идеал-типизации, ибо последняя есть по определению закрытая конструкция, а идеализация (опять-таки по определению) стремится к полноте, то есть открыта в принципе.

На *первом уровне* развитие как идеальный объект характеризуется категорией, выражающей одну из витальных потребностей человека (потребность в совершенствовании), а точнее и шире – в творении человеком как самого себя, так и его среды; потребность в творении своих внутреннего и внешнего миров. Речь идет, однако, не о потребности творения вообще, но творении новых качеств жизни, бытия, сознания, качеств как позитивного (созидательного), так и негативного толка, что выражает двойственность природы человека – самосозидающего и саморазрушающего. Эта *потребность* предполагает и *способность* (потенциальную), которая реализуется, воплощаясь в целеполагающей деятельности субъекта, творящего качественно новые формы бытия и сознания⁷. В силу такой неотделенности это сложное понятие не есть понятие парное (бинарная оппозиция; ср. элита – масса), но выглядит *диадой* (ср. семья), хотя и эта категория не вполне здесь применима. Во всяком случае, категория "потребность=способность" (к творению нового) располагается в одном ряду с категориями, характеризующими слитность различных свойств (вроде права=обязанности общинников, рента=налог в "азиатском способе производства"). В силу этих свойств данная категория выступает как синкрет, в котором образуют слитное единство не только обе стороны данной витальной потребности=способности, но и шире – субъектное и объектное бытие человека. В этом синкретическом единстве нет места, говоря логически, ни для субъект-объектных отношений, ни для межсубъектных отношений. В таком состоянии данное "качество" выражает теневую, что ли, сторону развития или – в терминах традиционной философии Дальнего Востока – неизменность в изменчивом [Григорьева, 2004, с. 39] (или – по аналогии – ДНК с заведомо (!) наследственным признаком).

Наверное, это состояние можно было бы назвать архетипическим: во всяком случае, его просто необходимо разместить в нашем идеальном объекте для того, чтобы понять, что является ядром объекта "развитие", прежде чем он развернется в своих культурно-исторических формах. Другими словами, категория *архетип* применяется здесь для характеристики идеального объекта, мыслимого в докультурном и доисторическом плане. Выделение в понятии "развитие" его архетипического измерения (и соответствующей категории) совпадает с поисками некоего неизменного начала в сознании и бытии человека, которое видно и у классиков (К. Юнг), и у современных авторов (Э. Морен, А. Гуревич). Однако я полагаю, что этот архетип не адресован подсознательному, ибо выглядит, скорее, характеристикой *нерасчлененности* сознания и подсознания. В силу своей синкретичности данное понятие не тождественно описанию базовых бинарных оппозиций культуры [Пелипенко, Яковенко, 1998]. Оно не может пониматься как формула не- и тем более анти-развития; как "еще не" ставшее развитие; как потенциальная или возможная потребность=способность к развитию. Скорее всего, понятие "архетип развития" (или, точнее, "архетип потребностей=способностей к творению нового") описывается приведенной формулой традиционной восточной философии, выражающей как неизменность, так и – это обязательно – процесс изменений. В данном пункте и скрывается основная проблема и смысла развития, и его понимания, а именно: как соотносятся неизменность и изменчивость, почему первое сохраняется во втором, почему второе не разворачивается вне и без первого?

Мое понимание развития как потребности в творении новизны отличается от ряда близких ему понятий. Скажем, категория "изменение" хотя и может совпадать с ним, но далеко ему не тождественна: ведь если развитие можно понять как особый "случай" изменения, то не всякое изменение можно трактовать как развитие, а только лишь то, которое генерирует новое качество. Понятие "изменение" скорее выра-

⁷ Роль потребностей в эволюции и истории человечества давно привлекает внимание обществоведов. Недавним примером может быть доклад С. Перуанского на заседании Клуба ученых "Глобальный мир", где это понятие было, однако, абсолютизировано как единственный "закон развития общества" [Перуанский, 2004].

жает неустойчивость человеческого бытия/сознания, а не его качественную динамику. Очевидно отличие понятия "развитие" от таких категорий, как новация, трансформация, модернизация. Развитие, в моей трактовке, означает творение не только позитивно нового (инновация), но и нового в его разрушительных для человека формах. Что же касается понятий "трансформация" и "модернизация", то они, скорее, характеризуют отдельные стороны развития (например, его специфический преобразующий механизм) или отдельный исторический "случай развития" (сдвиг от традиционного к современному или – специально – от аграрного к индустриальному обществу в процессе модернизации). Если понятие "развитие" на этом – первом – уровне его развертывания вполне обходится без указанных категорий, они обретают свое назначение на последующих, конкретизирующих уровнях построения идеального объекта (развитие). Замечу, что на данном уровне разработка категории "потребность=способность к творению новых качеств" есть компетенция или философской антропологии, или так называемой интегральной и общей антропологии.

На *втором уровне* идеальный объект принимает другой облик, заданный вычлениением субъекта развития из его же объективного бытия и, соответственно, разделением двух ипостасей развития: как потребности и как способности. Развитие как единство этих двух уже разделенных параметров образует "своеобразный инвариант", имеющий "некоторое абстрактное всеобщее содержание" [Глобалистика... 2003, с. 1041]. Иными словами, развитие на первой ступени этого – второго – уровня предстает не просто как некое единство способностей и потребностей к творению, но и как одна из *универсалий культуры*. В этой новой роли развитие выступает одной из ряда базисных структур человеческого сознания, основанной на определенной шкале ценностей, мировоззрении эпохи, и само становится ценностной идеей. В различных конкретных культурах, обществах, цивилизациях развитие как способность и потребность к творению качественной новизны занимает и различные ниши в общей системе ценностей: так, по А. Ахиезеру, в одних цивилизациях идея развития (как способность принимать эффективные решения) образует своего рода целеполагающую ценность, а в других играет роль ценности инструментальной [Ахиезер, 2003, с. 9–11]. Однако на данной, низшей, ступени второго уровня конструкции мы имеем дело с развитием лишь как с *базисной* и в этом смысле – универсальной *структурой* человеческого сознания, точнее, одной из таких базисных структур, исторические варианты которой должны быть рассмотрены ниже.

На второй ступени второго уровня субъект развития не только отчленен от объективного бытия и более конкретизирован, но и, соответственно, предстает как совокупность определенных агентов – как индивидов, так и общностей (групп, этносов, культур). Развитие из способности потенциальной становится реальной⁸, то есть обретает вид целеполагающей мыследеятельности, направленной на достижение фундаментальных целей: жизни, благ и свободы в их – соответствующем субъекту – конкретном воплощении. Поскольку здесь идеальный объект выступает как совокупность различных агентов, то развитие как деятельность обретает характер процесса *вариативного* по своей природе, а не только как свойство его (процесса) субъекта.

Эта качественная особенность развития=процесса (не путать с вероятностью) есть предмет уже третьей ступени второго уровня данной схемы. На этой ступени вариативность, однако, выступает в наиболее общих разновидностях, обретая вид процесса то ли стихийного, то ли направляемого [Рац, 1995, с. 168] соответственно проекту, выработанному субъектом (агентом). По мере усложнения процесса мыследеятельности, в которой вариативность образует основание идеи выбора и ценности свободы, сам этот процесс артикулируется и структурируется. *Артикуляция* развития как процесса выражается в растущей дифференциации агентов, в том числе индивида, по от-

⁸ Оставляю в стороне различие потенциального и возможного как повторяемого и неожиданного, гарантированного и негарантированного историческим опытом (по Б. Ласточкину) [Диалектика... 1976, с. 188].

ношению к агентам-общностям, в растущем разнообразии ролей, функций и проектов данных агентов; наконец, в усложнении организации (структуры) развития и особенно в оптимизации структурного порядка для достижения целей развития. *Структуризация* же в более узком смысле означает, что складывается определенный инвариант (генокод или генотип развития). В становлении и развертывании развития как "способности" решающую роль играет становление субъекта, но по мере артикуляции процесса развития и его структуризации возникают и обратные связи между структурой (и особенно ее инвариантом) и субъектом так, что структура развития задает и определенные, хотя и подвижные рамки деятельности субъекта, поддерживает непрерывность и преемственность процесса. Важным элементом структуры выступают элементы, содержащие различные естественные и искусственные компоненты (так называемая "вторая природа"). Их различные комбинации обозначаются как превращенные формы ("естественное" становится "искусственным") и преобразованные ("искусственное" становится "естественным") [Рац, 1995, с. 71]. В реализации этих форм решающую роль играет способность субъекта (агента) принимать эффективные решения, особенно те, что воздействуют на поведение и сознание масс [Ахиезер, 2003].

При этом возникают некоторые вопросы методологического порядка. Во-первых, предположение о решающей роли субъекта не означает его "первичности" по отношению к структуре: речь идет не об отношениях первичности – вторичности в генетическом плане, но о функционально-динамической связи, где первичное и вторичное взаимозаменяемы. Во-вторых, необходимо различать *структуру развития от структуры социума*, иначе мы попадем в ту же ловушку, где тип развития той или иной цивилизации подменен характеристикой природы цивилизации как целого⁹. Еще одно замечание скорее гносеологического порядка: речь идет о разделении ступеней внутри второго уровня. Кажется, что их различия по предмету недостаточно корректны, когда речь идет об описании субъекта развития как целого – в виде множественного целого и целостной множественности, то есть о разделении предмета соответственно первой и второй ступени. Соотнесение предметов второй и третьей ступени также нуждается в уточнении и потому, что множественность агентов (целостная множественность) уже предполагает вариативность процессов, а это заставляет сомневаться в логической фундированности выделения отдельной – третьей – ступени данного уровня конструирования. Возможно, что имеет смысл соединить характеристики субъекта как целого и множественного на одной ступени, выделив в качестве последующих и отдельных ступеней характеристики процесса и структуры развития (сейчас они соединены).

На *третьем уровне* наш объект, оставаясь идеальным, наиболее приближен к реальности, хотя теоретические определения этого уровня метаисторичны, то есть куда более абстрактны, нежели эмпирические генерализации, характерные для прикладного уровня исследования с их квантифицируемыми параметрами. На этом уровне качество вариативности, присущее развитию, конкретизируется в виде различных типов (первая ступень данного уровня) и их пространственно-временных конфигураций (вторая ступень того же уровня). Среди типов развития выделяется группа, где развитие как социальная ветвь универсальной эволюции соотносится с природной средой, а социальное "качество" человека – с его природной, особенно биологической ипостасью [Чешков, 1999, с. 33–34].

По параметру данного соотношения можно выделить и исторические *типы развития*, в которых последовательно: 1) решающую роль играет природная среда, а развитие как социальный процесс не вычленено из этой среды; 2) социальное развитие доминирует и подавляет среду, принимая абсолютный и разрушительный харак-

⁹ Здесь подобное различие тем более важно, что типология развития (как общая схема, включающая различные виды и формы развития) далеко не разработана.

тер; 3) вырабатывается баланс среды и развития и так или иначе разрешается внутреннее противоречие двух противоречивых сторон развития – как творения жизни в новом ее облике и как разрушения жизни. К числу основных *форм развития* относятся такие их разновидности, как прогресс (движение восходящее), регресс (движение нисходящее), циклические и инверсионные виды динамики¹⁰. Эти стороны и формы, изначально заложенные в развитии как способности к творению новых форм бытия и сознания, на третьем уровне выступают в новом, расчлененном виде, как и их субъекты, обладающие специфическим (историческим) сознанием. Но, подчеркну, по мере развертывания идеальной модели меняется их баланс, и сами они обретают различные конфигурации.

В имманентной логике, совпадающей с логикой исторической, баланс различных форм развития изменяется следующим образом: от (1) доминирования циклических и возвратных форм – к (2) доминанте прогресса и к (3) новому балансу, в котором роль прогресса становится относительной, так же как остальных при явно усиливающейся значимости инверсионной динамики. Эти три варианта развития реализуются в специфических хронотопах: доминанта непрогрессивных форм движения имеет своим пространством отдельные племенные, этнические и цивилизационные "миры" с их циклическими и возвратными движениями во времени; их комбинация при доминирующей роли прогресса, локальная в очаге своего возникновения, имеет объектом воздействия мир в целом и характеризуется диахронным и синхронным временными механизмами; третий вариант, построенный на балансе¹¹ прогрессивных и непрогрессивных форм развития, обретает планетарный масштаб, личностную глубину и временные механизмы типа пульсара.

К сожалению, при описании разных форм развития и их комбинаций на третьем уровне не удалось сохранить логическую связь с качеством вариативности развития, точнее – обозначить формы проявления этого качества на втором уровне. В принципе, такую связь можно проследить, но это не удалось сделать на последней ступени второго уровня, где рассматривалась структура развития. Важно указать на эти "разрывы" не только в порядке самокритики, но и для того, чтобы корректно применять предлагаемую схему в последующих работах.

* * *

В итоге развитие, представленное как идеальный объект, развернутый по всей категориальной иерархической лестнице, получает следующее резюмирующее определение. Данное понятие характеризует имманентную (архетипическую) человеку/человечеству потребность и способность к творению новых форм бытия/сознания, включая как их самовоспроизводство, так и саморазрушение; данные потребности и способности реализуются человеком как субъектом мыследеятельности, преследующей фундаментальные цели и развертывающейся в вариативном процессе через разнообразные исторические типы и формы с их пространственными масштабами и временными режимами. Понятие развития располагается в треугольнике, вершину которого образует данное понятие, а два других угла – понятия воспроизводства (выживание) и разрушения (катастрофы). В предлагаемой трактовке развития есть, на мой взгляд, следующие

¹⁰ Я не включаю в число этих форм те, что ныне называются расхожим термином "глобальное развитие". Если таковые имеют смысл – как развитие собственно глобализации/глобальности или как развитие, в котором доминирует фактор глобализации, то эти толкования требуют уточнения корневого понятия (глобализация). В других трактовках речь идет или о масштабах/глубине глобализации, или об особом виде трансформации, что определяет отдельные стороны или конкретизирует особый "случай" развития.

¹¹ Идея баланса становится важнейшим элементом представления об эволюции человечества как особой неравновесной динамической системы (см., например, [Назаретян, 2001]) и, безусловно, полезна и для разработки типологической теории развития.

новации: выделен архетипический параметр, в котором развитие не отделено от воспроизводства/разрушения; акцентирована фундаментальная связь субъекта и его целеполагающей деятельности, что позволяет подчеркнуть специфичность развития как особой ветви универсальной эволюции, сохраняющей в своей специфичности (социальность) интегральность универсума; сохраняется понятие прогресса как разновидности развития, но данная форма динамики рассматривается не как абсолютизм, но как историческая и (относительная!) сторона процесса развития, то есть в изменяющемся балансе по отношению к другим типам и формам динамики. Такое понимание развития делает содержание этого понятия неоднозначным, придает ему вид *ареала различных смыслов* и набора различных значений в их балансе; тем самым указывается на возможности выбора, которое несет (и создает!) развитие; выбора, хотя и творимого субъектом, но заданного рамками, в первую очередь, "собственной" структуры развития. Подробное изложение техники построения категориальной лестницы данного понятия я считаю необходимым для того, чтобы предмет этого понятия, при всей его значимости, образовал особое, *специальное измерение* мира человека и его истории. Соответственно, и осмысление развития, получая свой особый предмет, не может быть заменено иными общими (и проблемными) понятиями – эволюция, человечество, его история, цивилизация или общество. Акцент же на "технологию" в построении данной схемы предназначен и для того, чтобы применить ее к специальному случаю – миру развивающихся стран, которому будет посвящена следующая статья, а тем самым и проверить эффективность данного общего понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С. Российская цивилизация: специфика массовых решений // Клуб ученых "Глобальный мир". Вып. 10. М., 2003.
- Баткин Л.М. Странная тюрьма исторической необходимости // Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении? М., 2000.
- Вебер А. Устойчивое развитие как социальная проблема и российская ситуация. М., 1999. Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.
- Григорьева Т. Дао мира и человека // Геном Востока. М., 2004.
- Диалектика противоречий. М., 1976.
- Кравченко Л., Рац М. Как и зачем измерять неизвестно что? // НГ-Наука. 1999. Апрель. № 7.
- Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика, психология и футурология). М., 2001.
- Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998.
- Перуанский С. Что есть глобалистика как научная дисциплина и каковы ее законы // Клуб ученых "Глобальный мир". М., 2004.
- Рац М.В. Политика развития. Первые шаги в России. М., 1995.
- Родин С. Идея коэволюции. Новосибирск, 1991.
- Старостин Б. Ценности и ценностный мир. М., 2000.
- Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. М., 1999.
- Чешков М.А. Знание о развивающемся мире (судьба дисциплины). М., 2000.
- Чешков М.А. Мир наук и науки о мире в свете идей И. Пригожина. М., 2002.
- Complexity, Global Politics and National Security. Washington, 1997.
- Le mythe du développement. Paris, 1977.